

Радует сердце «при виде того, что совершается дома»: наконец-то наши далёкие знакомые начали обретать «каменную память». Поставили памятники Дубенскому, Сурикову, Чехову, Астафьеву, Поздееву, Резанову и даже волку, воспетому Владимиром Высоцким.

Несколько лет писатель и краевед Владимир Павлович Трофимов боролся за то, чтобы установить место захоронения генерал-майора и кавалера Н. П. Резанова и восстановить памятник, поставленный на его могиле в 1831 году, в виде гранитного мавзолея, увенчанного коринфской вазой, работы знаменитого в своё время русского скульптора Ивана Петровича Мартоса.

Но не только Трофимов «горел» этой идеей. В местной печати выступали красноярские журналисты, историки, краеведы: Н. Ольхова, Г. Быконя, В. Майстренко, Г. Захаренко, А. Сурник, А. Наумова, К. Савицкая, О. Аржаных... А началось с письма В. П. Золотухина в «Красноярском комсомольце» (21 января 1988 года). «Инициатором восстановления памятника, я думаю, должна быть ваша газета, — писал он. — Было бы целесообразно при невозможности установления памятника на прежнем месте восстановить его в ограде одной из существующих церквей города, тем самым как-то восстановив историческую достоверность. И, конечно, стоит всё-таки ещё раз попробовать отыскать могилу. И вообще, пора от слов переходить к делу». После этого письма в редакцию позвонил И. Ф. Потапов, бывший тогда заместителем общественного совета содействия охране памятников культуры при горисполкоме, который возглавлял писатель Анатолий Чмыхало, и пригласил журналистов на «очередное заседание, где рассматривался вопрос о восстановлении памятника Резанову».

Началась операция под кодовым названием «Здравствуй, командор». Передовая общественность, как тогда было принято говорить и писать, вместе с красноярскими писателями, с поэтом Андреем Вознесенским, автором «Юноны и Авось», и редакцией газеты «Красноярский комсомолец» взялись воплотить свои решения в жизнь. В городском отделении Госбанка был открыт счёт с пометкой «В фонд памятника Резанову». Письма, предложения, проекты, эскизы, наброски

будущего памятника обсуждались специальной комиссией.

В 1995 году под редакцией Ю. П. Авдюкова в серии «Отечество» Красноярский производственно-издательский комбинат «Офсет» выпустил многострадальную книгу «Командор» тиражом в двадцать пять тысяч экземпляров, который быстро ушёл к читателю. Составители (Г. Быконя, Н. Ольхова, А. Сурник) писали: «Долгое время имя его (Резанова) было забыто потомками не только в силу революционных и политических катаклизмов, но и мелких интриг, тупого тщеславия и невежества. Не пощадили даже памятника на его могиле...»

Так началось «возвращение командора». «Выход редкой книги, — писала Ольга Седых, — удостоивается пресс-конференции, ибо сейчас, как известно, книг выходит много и разных... Прилавки ломаются... Но издание новой книги „Командор“... стало настоящим событием в культурной жизни не только края, но и России... То, что книга вышла именно в Красноярске, — символично: Резанов не только бывал в нашем городе, он был здесь похоронен. И на совести красноярцев — забвение его имени, разрушение надгробия в то время, когда это было в порядке вещей. Человек, всю свою жизнь посвятивший Отечеству и так много сделавший для приумножения его славы... достоин доброй памяти потомков. И, кроме того, это попытка заглянуть вину предшествующих поколений перед памятью Резанова» («Красноярский комсомолец», 6 апреля 1995 года).

Но только этой книгой «возвращение командора» не ограничилось. Через шесть лет, в 2001 году, за свой собственный счёт писатель и краевед Владимир Трофимов издал художественно-документальный роман «Кастильские розы командору Резанову» крошечным тиражом в сто экземпляров, который сразу же был раздарен друзьям-писателям и добрым знакомым. «Обязательный и скромный, мужественный и смелый, воспетый за рубежом и забытый в России... Зато энциклопедия „Британика“ называет имя Резанова среди замечательных строителей Российской империи...» — такими словами сопроводил свой роман Трофимов. Второе издание романа было также невелико — триста экземпляров — и тоже разошлось. Наконец,

третье издание, подготовленное как подарочный вариант ко Дню города,— аж пятьсот экземпляров. И этого оказалось мало.

Написан роман хорошим русским языком, только, может быть, излишне публицистичен. Содержание книги увлекает не только своим историзмом, роман привлекает художественным воплощением далёкой от нас эпохи в реальных образах и картинах. Собран, обработан, изучен и превращён в добротную прозу уникальный и малоизвестный материал. Первый русский дипломат и командор Николай Резанов, обогнувший земной шар, в родном Отечестве «незаслуженно предан забвению», и роман Трофимова восполняет этот пробел в российской истории. Много страниц в романе посвящено вечной и чистой любви командора к дочери испанского гранда красавице Консепсьон Аргуэлло—Кончите, которая ждала своего возлюбленного сорок пять лет. Этой романтической любовью восхищается весь мир.

На презентации книги в Литературном музее его директор А. В. Броднева сказала: «Автор сумел создать увлекательное историко-художественное произведение... Это наиболее трудоёмкий жанр, предполагающий не только знание фактического материала, жанр, мало представленный в красноярской литературе».

Владимир Павлович Трофимов—коренной красноярец, русский. Здесь он родился в 1935 году, отсюда, приписав себе год, ушёл служить в армию добровольно, участвовал в освоении целинных и залежных земель. Его родители—уроженцы деревни Усть-Погромная Даурского района Красноярского края. Отец—кадровый военный, мать—учительница. В школе Владимир писал стихи, выпускал стенгазету в стихах. С возрастом перешёл на прозу. Окончил Школу высшей лётной подготовки в Красноярске—швЛП, затем военное авиационное училище—ВАУ, училище гражданской авиации, учился на юридическом факультете университета. Летал первым и вторым пилотом на больших пассажирских самолётах, летал и на малых—на Север. Профессионально стал заниматься литературой, когда в 1980 году ушёл из авиации по состоянию здоровья. Работал инженером по безопасности движения в автоколонне, автомобильным экспертом, заместителем начальника Красноярского речного училища. Много лет являлся членом Общества краеведов. В советское время издал сборники рассказов о лётчиках «Эскадрилья», «Северное сияние», «Под сенью Пандоры», «Молчание Прометея», «Обручённые с небом». И несколько лет писал роман «Кастильские розы командору Резанову»—таким образом, он по-своему включился в разработку операции «Здравствуй, командор».

«...Смена идеалов, мода на героев не из родной истории, а из истории революционных событий

привели нас к тому, что город, давший последний приют беспокойной душе командора, ничего не знает о знаменитом соотечественнике. Слава Богу, эти времена проходят»,—писала газета «Красноярский комсомолец» 6 апреля 1995 года.

Памятники, по А. С. Пушкину: «Животворящая святыня! Земля без них была б мертва». Поэт завещал нам «любовь к отеческим гробам», а мы, не помнящие родства своего, забыли об этом. И только краеведы «во все времена не уставали болеть за вопросы охраны памятников истории культуры». Трофимов напоминал красноярцам, что в центре Сан-Франциско (США), по замыслу Михаила Шемякина, скоро появится мемориал-монумент, посвящённый первым русским в Калифорнии, где будет изображён Резанов Н. П. «Национальное достояние России становится национальным достоянием Штатов,—подчёркивал Владимир Павлович и сокрушённо прибавлял:—В своём Отечестве командор незаслуженно предан забвению». Знаменитая энциклопедия «Британника» называет имя Резанова рядом с такими великими именами, как Пётр Первый, Меншиков, Румянцев, Державин, Ломоносов. И посвящает ему лестный отзыв: «Резанов—первый русский, обогнувший весь земной шар». Император Александр Первый говорил ему: «Я и Отечество ждём от вас жертвы». Эта жертва оказалась слишком тяжёлой, человеческие силы не выдержали... Но это не умаляет значения и ценности Резанова как одного из выдающихся деятелей своего времени. Красавец с волевыми чертами лица, умный, высокоинтеллигентный, светский, очаровательный, мужественный, смелый, «Резанов представлял собой идеальный тип русского аристократического духа и тела—творителя России. Ни один русский государственный деятель не приобрёл за границей, несмотря на вековую неприязнь и даже ненависть к России, такой трогательной симпатии, как Резанов».

Операция «Здравствуй, командор» предполагала прежде всего поиски могилы Резанова. «Где могила командора?»—под таким заголовком поместила статью в «Красноярском рабочем» журналистка Н. Ольхова. Были предложения перезахоронить останки Резанова, одного из создателей и верховного правителя Российско-американской компании на Аляске и в Калифорнии, генерал-майора и камергера, дипломата и мореплавателя, командора и кавалера Мальтийского Большого креста Святого Иоанна Иерусалимского, внезапно умершего от «горячки» в доме красноярского чиновника И. Г. Родюкова в 1807 году на пути из Америки в Санкт-Петербург и погребённого в ограде Воскресенского собора. Но, как пишет Н. Ольхова, «останки командора не смогли перезахоронить, потому что вдруг потеряли могилу». И далее: «Краеведы Потапов и Валуев обследовали всё кладбище, но никаких следов перезахоронения

не обнаружили... Впрочем, трудно отыскать то, чего не было в природе». И впрямь — не было. Некоторые публикации, утверждавшие, что останки командора якобы перенесены на Троицкое кладбище, оказались блефом, и тут Н. Ольхова была права: могила утеряна. Однако так ли это? Когда в 1936 году Воскресенский собор переоборудовали под аэроклуб, прекрасный памятник Н. П. Резанову был снесён и бесследно исчез. Могилу сравнивали с землёй, а великолепный собор в начале пятидесятых годов разрушили до основания.

Казалось бы — всё, тупик. Но стараниями краеведов, и в частности Владимира Трофимова, разрабатывавшего резановскую тему и ведущего обширную переписку с калифорнийскими потомками прекрасной Кончиты, удалось точно указать место погребения командора. А чтобы могила вновь не затерялась, водрузили на этом месте гранитный камень. Когда справедливость восторжествует, писал Трофимов, «мир будет помнить, восхищаться славным сыном России. Мир будет чтить память о великой любви командора и испанской красавицы Кончиты... Ибо память — это единственное, что нельзя у людей отнять».

Летом 2007 года на месте того камня появился гранитный мавзолей в том первоначальном виде, каким он выглядел на старой фотографии. Но Трофимову и этого было мало, он добивался, чтобы на красноярской земле стоял величественный монумент самому командору. «Только ни у кого, кроме горсовета, нет права поставить такой памятник», — посетовала Н. Ольхова. Трофимов подхватил эту мысль и стал ходить по кабинетам: доказывал, показывал письма калифорнийцев, убеждал, говорил тихим спокойным голосом, что на двухсотлетие памяти командора может приехать в Красноярск сам губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер.

В тот же год монумент Резанову — величественная фигура в полный рост сорокалетнего генерал-майора и кавалера в треуголке, в мундире и при шпаге, пока ещё не отлитая в бронзе, — был водружён против Триумфальных ворот на Стрелке, слева от Большого концертного зала. На его открытие собралась городская знать во главе с губернатором и мэром города, которые возложили на могилу командора кастильские розы, привезённые из Штатов, а Владимир Трофимов, инициатор всей этой затеи, не был даже приглашён на открытие монумента, а охрана не пустила его за оцепление...

В отличие от памятника Андрею Дубенскому, первостроителю Красноярска, водружённого на неотделанный гранитный постамент, похожий на гвоздь, и памятника всемирно известному историческому живописцу Василию Сурикову во дворе музея-усады, поставленного на землю так, что его с улицы совсем не видно, красавец-монумент командору высоко поднят над площадью Мира на Стрелке.

Владимир Трофимов написал ещё один роман — «Да будет воля твоя», в котором в художественных образах повествует о жизни и деятельности известных в своё время русских патриотов Приенисейского края: М. К. Сидорова, В. Д. Касьянова, С. Г. Щёголева, П. И. Кузнецова и других. И опять современный читатель получил возможность «оценить прошлый исторический опыт страны через эти образы». Так же скрупулёзно автор изучил документы и материалы архивов, свидетельства современников и написал хорошую книгу. О самом Петре Ивановиче Кузнецове он собирался написать большой очерк, но не успел. Вскоре он умер от сердечного приступа, последовавшего после того, как с него потребовали налог со спонсорских денег, которых он, собственно, и в глаза не видел. Где-то кто-то сделал ошибку, а у писателя, для которого честь и достоинство были превыше всего, не выдержало сердце...

Хочется напомнить вам, дорогие читатели, что в десяти шагах слева от могилы Резанова находилась родовая усыпальница семьи купца первой гильдии, одного из крупнейших золотопромышленников, потомственного почётного гражданина города Красноярска, общественного деятеля и мецената Петра Ивановича Кузнецова. По определению епископа Никодима, «человек без классического образования, только начитанный и наслушавшийся иноземного и вольного», Кузнецов был яркой личностью, не жалел денег на добрые дела. На свои средства снарядил первую Амурскую экспедицию в 1854 году и сам был её участником. Также за свой счёт обучил в Санкт-Петербургской художественной академии красноярца Василия Сурикова, ставшего великим историческим живописцем. За одного только Сурикова просвещённое человечество должно быть благодарно ему в веках. Но кто теперь помнит это имя? Простому обывателю оно и вовсе неизвестно.

...Умер Пётр Иванович Кузнецов скоропостижно 26 декабря 1878 года в Санкт-Петербурге, а 19 января 1879 года сын его Александр, студент технологического института, в железном ящике отправил тело отца в Красноярск. Погребён меценат в ограде Воскресенского собора. На скромном постаменте высечены слова из Евангелия: «Блаженны милостивцы, тем помилованы будут». Его супруга, Александра Фёдоровна, пережила мужа на девять лет и скончалась 4 февраля 1887 года от рака пищевода, похоронена рядом. Здесь же, в родовой усыпальнице, упокоились их дети: Александр Петрович и его жена Екатерина Михайловна, дочь командира Красноярской казачьей сотни Михаила Владимировича и внучка декабриста Владимира Федосеевича Раевского, а также Николай Петрович и его супруга Екатерина Антониновна, Иван Петрович, Лев Петрович, Александра Петровна, Евдокия Петровна, Юлия Петровна... Все они

были общественными деятелями и благотворителями, покровительствовали народному просвещению, давали деньги на научные исследования родного края, снаряжали экспедиции, создавали библиотеки, содержали детские приюты, помогали Н. М. Мартьянову в пополнении его музея в Минусинске различными находками и раритетами. В духовном завещании Евдокия Петровна Кузнецова, старшая дочь, передала в дар городу семейную библиотеку и родительский дом, в котором ныне располагаются детское хоровое общество и детская музыкальная студия. Она очень хотела, чтобы на этом доме висела табличка: «...чтобы та школа или то просветительское учреждение, которые будут помещаться в завещанном доме, носили бы имя Петра Ивановича и Александры Фёдоровны Кузнецовых». До сих пор этого властями не сделано.

А теперь нет ни этих могил, ни памятника, потускнела и память о них. По этому поводу Владимир Трофимов часто сокрушался: «Ну что за люди сидят в управлении краем нашим? Не умеют беречь память предыдущих поколений, о них ведь тоже никто не вспомнит!»

В советское время писал о Кузнецовых покойный ныне историк Пётр Николаевич Мешалкин, а совсем недавно издал книгу краевед Иван Фёдорович Потапов. Журналисты и искусствоведы упоминают имя Кузнецова лишь в связи с гордостью красноярцев — Суриковым. А ведь Пётр Иванович Кузнецов более достоин вечной памяти для нас, чем, скажем, Резанов, которому только и суждено было умереть в Красноярске. Умер бы он в столице — уверен, такого ажиотажа вокруг

его имени наверняка бы не было. Нисколько не умаляю роль командора в истории России, эта личность достаточно ценная для Отечества, однако Пётр Иванович Кузнецов, его жена, дети с их благотворительностью и общественно-полезной деятельностью у себя на родине для нас — ближе

Так почему же нет до сих пор хотя бы простенького обелиска на месте бывшей родовой усыпальницы почётного гражданина Красноярска П. И. Кузнецова? Именем Кузнецова не названа ни одна новая улица в городе, ни один переулок — почему? Не ходит по Енисею ни один пароход с именем Кузнецова, а ведь с его именем связано зарождение пароходства на могучей реке. И кто должен позаботиться о восстановлении справедливости на нашей земле?

Командору несказанно повезло: через двадцать четыре года после похорон появился на его могиле мавзолей работы скульптора Мартоса, а через двести лет после его смерти — и скульптурное воплощение в полный рост. Повезёт ли когда-нибудь Кузнецову?..

Память командору обеспечила Русско-американская компания, на деньги которой в 1831 году надворный советник Алексей Иванович Мартос, сын знаменитого скульптора, будучи председателем Енисейского губернского суда, упросил отца изготовить памятник, наконец-то дошедший до нас в виде оригинальной копии. Родовую усыпальницу богатая семья Кузнецовых устроила на собственные средства... С лица земли оба исторических памятника исчезли в одно и то же время, а возвращение памяти для Кузнецова, как видно, затянется надолго...